

Мария Бережная

НОВАЯ ГЛАВА

Мария Бережная

Новая глава

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бережная М.

Новая глава / М. Бережная — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Меньше всего на свете Джонни хочет что-либо менять в своей жизни. В прошлом у него было другое имя, тяжелое детство с отцом, который всем разговорам предпочитал хорошую драку, увлекательная юность, которая прошла и за это ей большое спасибо и, пожалуй, что все. Теперь же у него был Бар, который он купил у вышедшего на пенсию вильняусского блюзмена, и сам же уговорил его остаться работать за стойкой, потому что без него Бар совсем не Бар, а совсем другое место. Есть друзья, ставшие давно его семьей, один из которых «серый кардинал» всего города – Марчин, его бывший учитель по физике, который когда-то спас ему жизнь, а потом время от времени спасал рассудок... И подруги, каждую из которых он искренне любит.

© Бережная М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Мария Бережная

Новая глава

Под обложкой этой книги уютно устроилась самая обыкновенная история.

Точно такая же, как и тысячи обыкновенных историй, происходящих с нами каждый день.

Как и во многих обыкновенных историях в ней нет окончательно положительных и окончательно отрицательных героев, в ней есть герои, которые прошли очень длинную дорогу и пока шли, иногда прямо, часто – петляя, а то и вовсе останавливались, рассматривая собственные следы... А еще в этой истории нет монстров, зомби и совершенно точно нет инопланетян... Наверное.

Зато есть дети, любовь к сказкам, несколько «темных» историй прошлого, некоторое количество нарушений закона, которые хочется простить, и автор заранее просит снисхождения, цыгане, нарисованные пузыри, городок ужасов, и много всего интересного. И да. Динозавры. В этой истории еще есть динозавры.

Это История о том, что делать, если ты взрослый, серьезный человек и вдруг обнаружил, что до смерти боишься...

А потом у тебя появился даже не один ребенок, а...

И ты решил, что точно не хочешь ничего менять в жизни, но тут же ее...

А потом появляется твоя старая подруга и оказывается совсем не твоей, а...

В общем, эта история еще и о том, что если ты ждешь чего-то плохого, оно совершенно точно может не случиться. Специально, наверное.

Отдельно следует рассказать о городе, в котором произошла вся эта история, раз уж у автора получилось такое длинное вступление. В тот момент, когда перестаешь слышать свои собственные мысли внутри себя, а все голоса вокруг становятся слишком похожи на помехи где-то наверху, над тобой, нужно собирать вещи и лететь в Вильнюс.

В этом городе, где, даже сами местные жители говорят – «Если впереди вас нет собора, позади нет церкви и справа и слева тоже не виднеется шпилей и крестов, значит, вы не Вильнюсе», тишина становится осязаемой. Шпили соборов в Старом городе отлично передают все просьбы и мольбы напрямую, на небо. А, может быть, все дело в камнях, которыми вымощены дороги. Они тоже, умеют разбираться с проблемами, пусть, по-своему, немного приземлено, но все же, многие говорят, что это волшебные камни. И не страшно, что другие «многие» называют эти камни – «яопяťсломалакаблук», ведь если сломать каблук в нужное время и в нужном месте, то вполне возможно сбудется очередное желание из папки «отложено на потом».

В Вильнюсе есть место каждому, кто пришел к нему с добрыми намерениями. Он одинаково приветливо встречает любого беглеца или путешественника и дает им именно то, что они хотят. Свободу, или место, которое привяжет к себе самыми крепкими оковами, которыми только можно привязать. Интересную работу. Вкусную еду. Не зря когда-то укрытое от любопытных глаз и вражеских рук место, спрятанное в лесах и среди холмов называли «Вильно» – волна. Кривые извилистые улочки старого город действительно похожи

на волны и немного – на загогулины. И никогда не знаешь, куда выведет тебя именно такая загогулина и что будет за ее поворотом.

Последний о ком стоит сказать в этом длинном вступлении – это рыжий кот. Но...

1. «Человек имеет право жить возле речки Вильняле, а речка Вильняле – протекать возле человека»¹

Он и сам не помнил тот момент, когда ему пришла в голову мысль, что если поменять имя, то можно поменять и всю жизнь.

А ведь весь тот странный год, пример того, что это возможно сделать, все время был у него перед глазами. Вернее, за спиной. И еще вернее – два примера. И когда он начинал громко сопеть или заваливаться на бок, засыпая, один из «примеров» будил его, тыкая ручкой в спину. Школьное время – сложное, но невероятно интересное, в одном дне умещается не меньше десятка жизненно важных событий, попробуй тут уследи за всем, можно сказать, что именно от этого Джонни и уставал, так, что засыпал на ходу.

В начале, он был, наверное, просто случайной ошибкой, которую слишком поздно заметили. А потом и вовсе, оставили на память о себе, как брелок, или любой другой случайный сувенир. Пожалуй, что так и было, когда мама ушла и оставила Джонни отца.

Наверное, в начале его истории можно было бы красивой вязью написать: «В раннем детстве, Георгий часто представлял, что его красивая, добрая, настоящая мама, приезжает за ним и увозит от отца к себе домой: в просторную, светлую квартиру, где хорошо пахнет, огромные чистые окна, и больше не нужно будет вздрагивать от хлопка входной двери, прятаться и бояться лишний раз напомнить о себе деспотичному отцу...».

Но на самом деле, если мальчик с грустными темно-кариими глазами и невероятными длинными ресницами, и думал о своей маме, то только в тот момент, когда отец начинал слишком часто вспоминать, кто именно подбросил ему ребенка. И единственной его мыслью было «интересно, а почему она подбросила его именно этому отцу? Разве вокруг было мало других отцов? Нельзя было выбрать хотя бы кого-нибудь другого?». Некоторое время, когда мальчик еще пытался мечтать, то мысленно он искал не маму, а нового папу. Сложно искать и представлять того, кого ты никогда не видел и не представляешь, что можно было бы делать с этим взрослым. А с папой уже более или менее все понятно. И у них в доме были чистые окна и полы. Следить за порядком было обязанностью Джонни, и часто в шутку отец звал его «Золушка» и сам же смеялся над тем, что было понятно только ему одному. Джонни был тогда еще слишком маленьким.

Нельзя сказать, что маниакальная любовь отца к армейскому порядку и стерильной чистоте, на всю жизнь оставила шрам на теле Джонни. Шрамы были от другого, а он с тех пор научился мгновенно наводить порядок даже в самом захламленном помещении.

И он никогда не прятался. И не боялся бы лишний раз напомнить о себе. Стоило синякам от очередных побоев хоть слегка посветлеть, Джонни снова огрызался, ершился, боролся за свое право быть ребенком. Его отца, бывшего военного, драчливости и упрямство сына только радовали – это был отличный повод показать всем, что у него растет мужчина,

¹ Здесь и дальше – названия глав – цитаты из шуточной Конституции Республики Заречье (Ужуписа) места, где живут герои книги. Хотя, может быть, Конституция не такая уж и шуточная...

а не тряпка. Отец сам того не подозревая соперничал с сыном за право быть мужчиной в их доме. И все чаще и чаще проигрывал ему в этом поединке.

Так что в школе Джонни почти всегда ходил в синяках, сначала это были синяки от побоев отца, потом к ним добавились следы дворовых драк, пока Джонни не понял разницу, между тем, чтобы пускать в ход кулаки в любой ситуации или же уметь унижить и запугать противника с помощью чего-то другого. Слов, характера, энергии, репутации и прочего, у него отлично получалось и то другое, но на учебу как таковую времени почти не оставалось.

В школе синяки и ссадины ученика мало кого волновали, он отлично научился прятать их, к тому же драки в этом районе, да и в самой школе случались часто, классы были переполнены, и учителям с трудом удавалось хоть как-то учить детей, или, хотя бы просто удерживать их на уроках в более или менее спокойном состоянии. И уже точно на синяки угрюмого парня, который быстро стал одним отрицательных героев школы, обращать внимание было совершенно некогда. Главное, чтобы сидел тихо на уроках и не мешал другим.

В эту школу Джонни попал, когда они переехали из другого города. И так получилось, что он был на три года старше своих одноклассников по возрасту, и примерно лет на десять старше их по опыту. Ему нужно было продержаться всего два года. Получить аттестат, паспорт и прощай этот дом, эта школа и, возможно, эта реальность.

Учитывая возраст и характер Джонни, это было не так легко. Но, как ни странно, обладая отличной памятью и живым характером, Джонни умудрился стать любимчиком двух учителей. Преподавателя физики – ученого с грустным, но преданным делом взглядом и пышными усами, которые делали его похожим на увлеченного физикой моржа. Несколько раз он оставлял Джонни после уроков, но не для того, чтобы наказать, а чтобы обсудить с ним какую-нибудь интересную тему и то, что он относился к молодому человеку, как к равному себе быстрее всего растопило лед и Джонни научился не только тому, что интересное можно найти во всем, но и уважать людей искренне увлеченных своим делом. И очень скоро благодаря характеру и авторитету «главного наказания школы» на уроках физики всегда было тихо и спокойно.

Так же к нему питала привязанность Преподаватель истории. Она давно могла спокойно отдыхать на пенсии, но очень любила свой предмет и вела уроки в форме лекций, когда она рассказывала, а ученики записывали то, что считали нужным. Обладатель уникальной памяти, Джонни практически всегда мог пересказать ее лекции слово в слово, даже, если просыпал часть из них, к тому же, как выяснилось, у него были свои любимчики, среди исторических личностей, что сильно выделяло Джонни из остальной массы тех, кто приходил на Мировую историю только потому, что она стояла в сетке уроков. Джонни увлеченно слушал про историю семьи Медичи, семьи, которая очень нравилась самой ученой даме и она рьяно защищала парня перед остальными преподавателями и именно ей, сам этого не зная, он был обязан тем, что переходил из класса в класс. «Дайте ему время найти себя» – Говорила она практически на каждом собрании. И в конце каждой четверти дарила Джонни книги, которые он читал не только из уважения, но любопытства.

В его классе существовал свой клуб «галерка», который организовали две девушки, сидящие на самой последней парте, всегда у окна и устроившиеся так, что между ними и остальным классом было две линии пустых парт. Учителя не спорили с ними, потому что вопреки всему, подруги были отличницами и сидели тихо. А на все остальное они просто плевали. Джонни отлично вписался в эту компанию, он занял парту перед ними и отсыпался там после своих ночных походов, а Молли и Кортес, в школьной жизни Мария и Кате-

рина, помогали ему с уроками и стучали по плечу, если он начинал храпеть слишком громко. Это было прекрасное партнерство – он стал стеной между ними и остальным классом, а они подпирали эту «стену» чтобы она не рухнула под гнетом обстоятельств. Джонни называл их «Барышни» и всегда с удовольствием комментировал все, что происходило за их партой.

– Заколебало, – информативно сообщил Джонни, однажды, плюхнувшись на стул и закинув ноги на второй стул.

– Смени жизнь, – посоветовала Кортес. Которую, родители давно хотели перевести в экстернат, чтобы она поскорее закончила школу, но Кортес совершенно не желала менять этот «цирк» на тот «дурдом», куда она уже успела сходить на собеседование. В определениях девочка умела быть очень меткой. В постановке жизненных целей тоже: закончить школу, поступить в уже давно выбранный университет, окончить его с отличием, выиграть пару-тройку научных грантов, уехать продолжать свое образование в Лондон и оттуда спасать мир от болезней, катастроф или плохих рейтингов нынешнего правительства. Тут уж как пойдет и что первое встретиться.

– Как?

– Поменяй имя. Стань, например, Джонни, – посоветовала Молли. У которой тоже уже сложилась в голова картинка ее собственного будущего: закончить школу, попасть в какой-нибудь параллельный мир, посмотреть что там, вернуться, отправиться в космос, окончить университет, желательно магический и отправиться в Дублин. И оттуда спасать мир с помощью чего-нибудь. Возможно, магии. Или космических технологий. Тут уж как пойдет и что первое встретиться.

– Джонни-черное пятно! – Фыркнула Кортес, показывая ручкой на черное пятно на рубашке Джонни. Джонни подумал немного, примерил это имя на себя и тут же забыл, что когда-то при рождении ему дали имя Георгий. И что оно же значится в его документах. Так у него появилась вторая цель жизненная цель, после окончания школы поменять имя в паспорте.

– Закончим школу и я напишу про тебя книгу, – Пообещала Молли с удовольствием потягиваясь. В тот период, когда практически каждая девушка в школе уже отлично умела пользоваться косметикой, обожала наряжаться и всячески старалась подчеркнуть свою девичью привлекательность, Молли одевалась в бесформенные свитера и джинсы зимой и в футболки с шортами или теми же джинсами – летом. Джонни знал, что это не от большой любви к такой форме одежды, но лез в это дело, тем более, что ему было совершенно неинтересно как одеваются его барышни. Они были из его круга в любом случае.

– С чего бы?

– Потому что ты отлично сочетаешься с новым именем, – пожала плечами Кортес, объясняя за подругу ее идею. И они тут же, забыв про эту тему пустились в обсуждение очередной серии какого-то мистического сериала, которые только начали входить в моду, а Джонни завернувшись в пальто постарался устроиться поудобнее и все же поспать.

Сегодня у него была особенно напряженная ночь. Еще одни плюсом дружбы в их клубе было то, что девочки никогда не спрашивали, почему у него ссадина на губе, разбиты костяшки на руках и где он был всю ночь. А так же откуда у него новое пальто, которое ему совершенно не по размеру. Они вообще ничего у него не спрашивали, зато всегда удачно комментировали происходящее с ним. Это было, по крайней мере весело. А учитывая его репутацию, и то, что плохие мальчики всегда притягивают к себе особ противоположного

пола, Джонни всегда с удовольствием слушал, как его барышни обсуждают его же очередную подружку. Им он это позволял, почему бы и нет?

И еще с ними он смеялся, потому что смешить Молли и Кортес умели как никто другой. Они смеялись над ним, друг над другом и над всем и всеми, что попадалось им на пути.

Примерно через полгода, их дружбы, уже мало кто в школе смел назвать девочек, «пришибленными» или «заучками», как звали их раньше, до появления в этой школе Джонни. Во-первых, те, кто звал их так раньше, в этом году списывал у них же, а во-вторых, Джонни никогда не тратил в таких случаях время на пустые слова и объяснения, почему именно не стоит неправильно выражаться в сторону его друзей. И вообще, лучше в их сторону не смотреть.

Преподаватели же отметили еще одну особенность.

В школу всегда приходили либо все трое, либо ни одного.

Притом, мало кто знал, что делали они это, не сговариваясь, просто так складывались обстоятельства, или это было тем самым «непростым совпадением», которое можно было считать знаком, если бы мы умели заглядывать так далеко.

Если заболела Кортес, то, каким-то образом именно в этот день Молли, еще не зная, что Кортес не придет, решала не идти в школу, а Джонни находил какие-то невероятно важные дела. И, наоборот, в любую сторону. Зато потом, когда они выясняли, что в этот день все трое прогуляли школу, это было еще одним отличным поводом для шуток.

Когда пришло время получать аттестаты, Джонни в тот день в школе не было. Классная руководитель, зная о дружбе девочек и Джонни, отдала его бумаги им и попросила занести к нему домой. В школе не хотели терпеть Джонни хотя бы на один день дольше, чем это положено по закону, и поэтому сделали все возможное, чтобы Джонни там больше не появлялся.

Единственный кто в этот день сильно волновался о своем ученике – это был тот самый преподаватель Физики с удивительными именем Марчин Степанович. Он подошел к «барышням» и предложил сходить с ним к Джонни. Как он потом сам рассказывал, Марчин Степанович не понимал, что заставило его уйти с праздника и отправиться к своему ученику домой, как говорят «сердце было не на месте».

Молли и Кортес, знали, где же живет Джонни, потому что пару раз доводили не очень трезвого друга до его квартиры, когда, после очередной гулянки с друзьями Джонни не всегда доходил до класса, или наоборот – проходил мимо класса, куда-нибудь, например, в клумбу. Его дом был совсем недалеко от дома, где жила Кортес, и, прихватив бумаги и волнующегося преподавателя, который постоянно норовил перейти чуть ли не на бег, девушки пошли к нему, обсуждая все свалившееся на них счастья в виде наконец-то закончившихся школьных будней.

Вечером предыдущего дня, отец Джонни веселился в компании своих старых, армейских дружков. Инстинкт самосохранения Джонни был притуплен осознанием и планированием скоро побега из дома, поэтому он не сразу почувствовал опасность и привычно огрызнулся с порога на уже совсем не трезвого отца.

Все заняло не более получаса, обычно отец уже не справлялся с сыном, как раньше, Джонни был выше него и если не мог отбиться, то по крайней мере мог уйти на своих ногах.

Но не сегодня. Уходя вместе со своими друзьями, отец наступил на правую руку сына, сломав ему несколько пальцев, и не запер дверь, что и помогло Джонни.

Молли и Кортес честно позвонили. Потом постучали, а Марчин Степанович сразу толкнул дверь и поспешил в квартиру.

Подруги всегда отличались завидным недетским хладнокровием, даже взрослый мужчина растерялся, попав в такую ситуацию, казалось, что у Джонни не просто рассечена кожа над бровью, а проломлена голова и всюду было много крови.

Они не стали звонить мамам и в скорую, а позвонили тете Кортеса, которая уже много лет работала врачом на скорой помощи. Пока она ехала, девочки, решив, на всякий случай, не двигать Джонни с пола, помогли ему устроиться там поудобнее и удерживали. Кортес носилась по квартире в поисках одеяла, воды, документов, и таблеток аспирина, но не для Джонни, который пока бы не смог их проглотить, а для самой себя, потому что от стресса, пусть «молчаливого» у нее всегда болела голова, вода требовалась Марчину Степановичу, а Молли аккуратно придерживала голову Джонни, поила его и тормошила, помогая медленно приходить в себя, подавая ему то воду, то аспирин, то полотенце.

Когда приехала тетя Кортеса, она забрала его в больницу и там выяснилось, что внутренних разрывов, чего все очень боялись, к счастью не было, лишь сломанные ребра, переломанные пальцы правой руки и сотрясении мозга. Джонни уже был достаточно взрослым и хоть и изрядно избитым, но достаточно убедительным, чтобы тетя Кортеса и все остальные поверили, или хотя бы сделали вид, что поверили, будто Джонни избили на улице и он как-то дошел до дома и отключился на пороге, забыв запереть дверь. Тем более, что Джонни был уже совершеннолетним, и согласие его отца на что-либо не требовалось. Да и вряд ли у них получилось бы найти его. К тому же его поддержал Марчин Степанович, который предварительно переговорив с Джонни с глазу на глаз, подтвердил его версию, добавив, что они все лично втроем помогали ему дойти до квартиры.

Единственное, что хорошо помнил обо всех этих событиях Джонни, так это прохладное касание ободка серебряного кольца на большом пальце Молл, когда она придерживала его голову рукой. По идее, серебро должно было нагреться от тепла его и ее кожи, это Джонни уже узнал через много лет, но именно этот холодок удерживал на плаву его сознание. А все остальное уже делал очень хорошо настроенный «встроенный автопилот» и, наверное, особое «цыганское» везение, которое перешло к Джонни от мамы, вместе с темными глазами и смуглой кожей. И то, что в очередной раз ему очень повезло с друзьями.

Потом было очень много всего. Может быть, даже слишком много, для календарных пятнадцати лет жизни. Джонни стал левшой, сломанные пальцы правой руки плохо гнулись и ныли в дождливую погоду, он много бродяжничал, был барабанщиком одной группы и писал тексты для трех других, побыл некоторое время рок-импрессарио и не легально перебрался в Вильнюс. Тут ему помог ставший уже старым другом Марчин, который, все так же любил физику и, после того случая относился к Джонни как своему собственному брату, нет не сыну, чего им обоим не хватало в школе.

В конце концов, Джонни остался жить в Заречье-Ужуписе одном из самых удивительных районов Вильнюса. Традиционном приюте для всех мятежных душ. Джонни выкупил старый бар у своего друга, рокера Бирнса, как тот сам себя в шутку называл «бронтозавра рока» и вообще уже не вспоминал то время, когда он был еще Георгием. Молли и Кортес давно исчезли из его жизни, а старый-добрый Марчин сначала перебрался в Варшаву, где после смерти родителей он унаследовал небольшой дом в пригороде, а потом тоже осел в

Вильнюсе. Это было, пожалуй, одним из немногих моментов в жизни Джонни, который он вспоминал со смехом. Когда Марчин сбрил усы, которые он отращивал и лелеял в надежде, что они делали его старше и солиднее, оказалось, что он совсем даже не пожилой, умудренный опытом ученый. А всего-то старше Джонни на тринадцать лет.

От прошлого у Джонни, это шрамы на спине, от антенны, который обычно порол его отец, острые зубы, привычка бороться со всем, что вставало у него на пути и «голос отца», который в самые тяжелые моменты выскальзывал из какого-то очень дальнего и очень темного ящика в секретере души Джонни и напоминал ему о том, что большего ничтожества, чем он в мире просто не существует. В конце концов, Джонни привык игнорировать этот голос и не вспоминать вообще прошлое. Как-то раз несколько месяцев он работал на стройке в Калининграде и отлично научился строить стены. И стена в его сознании была достаточно прочной, а выпадающие время от времени «кирпичи» можно было создать заново из новых хороших эмоций.

Нельзя сказать, что он забыл все, что было, тем более, что рядом был Марчин, который тоже прошел очень долгий путь от молодого увлеченного физикой и преподаванием человека, до того, кем он стал сейчас.

Нет, просто теперь это был совсем другой Джонни, этого Джонни прошлое не очень-то и волновало.

У Марчина же, который уже давно перестал быть Марчин Степановичем от прошлого осталась любовь к физике и сильно развитая интуиция, которая с тех пор как подала голос в тот день, когда Джонни была нужна помощь так и не умолчала постоянно предупреждая Марчина о том, куда ему идти и где его ждет самое интересное.

Но однажды, прошлое само напомнило о себе, преподнеся Джонни удивительный сюрприз.

Он сам часто стоял у себя в баре за стойкой, наблюдая за посетителями, порядком в баре и всем на свете. Книжку «Новая глава» пару дней назад, дала Джонни почитать девушка, которая обожала сказки, путешествовать и искренне считала себя эльфом. Джонни с ней не спорил, подкармливал, когда она появлялась в его баре, и пускал к себе принять душ и поспать на кровати, а не на скамейке в парке или на вокзале. Она нашла эту книжку как раз где-то на вокзале и принесла ему.

– Почитай, это городские сказки и они изменят всю твою жизнь, – серьезно сказала она ему, прежде чем отправиться в душ, где извела целый флакончик лавандового геля для душа. Джонни держал его специально для нее, его «кочующая» подружка считала, что эльфы должны пахнуть лавандой, а он с ней не спорил, он вообще редко спорил с женщинами, что помогло ему получить славу настоящего ловеласа и покорителя женских сердец.

Подружка постоянно приносила что-то, что могло изменить всю его жизнь, но почему-то не меняло. Наверное, он слишком долго шел к этой своей жизни, чтобы менять ее. И слишком любил свою сегодняшнюю жизнь, хоть за какую-то видимость стабильности.

Но к советам девушки-эльфа Джонни всегда прислушивался и книжку прочитал.

История была написана в виде сборника новелл, объединенных сначала общей сюжетной линией, а потом уж и героями переходящими из новеллы в новеллу согласно сюжету и своему собственному настроению.

Сначала, некоторые герои показались Джонни смутно знакомыми, но мало ли бывает в жизни совпадений. Потом появилось сразу несколько героев, которые переходили из рассказа в рассказ, и тут Джонни пришлось сесть и перечитать несколько абзацев по много раз. В главном герое истории не было ни капли прошлого Джонни, но был идеально выписан его характер, манера говорить, смотреть, но что самое удивительно – думать. Думать так, как Джонни думал сейчас и иногда, в прошлом. Так же была подробно описана его внешность, не таким сейчас, скорее он был похож на того, кем хотел вырасти еще в школе.

Некоторые ситуации, которые случались с главным героем этой истории, случились и с Джонни и это было очень и очень странно. А еще в какие-то моменты, Джонни ловил себя на мысли, что не смотря на ершистость, задиристость и очень сложный характер главного героя – он был таким, каким бы Джонни мечтал стать. Если бы уже давно не разучился мечтать, оставив эту прерогативу своим более творчески одаренным друзьям.

Джонни еще раз посмотрел на обложку книги, а потом на фотографию автора, потом, он нашел автора в интернете и долго смотрел на фотографии на ее персональной странице в одной из социальных сетей. Интернет Джонни не очень-то любил. Все странички его бара в сети вел Марчин, а он крайне редко садился за старый словно Кафедральный собор город, ноутбук.

– Этого просто не может быть! – Хмыкнул Джонни и весело рассмеялся. С обложки книги весело улыбалась Молли. А он уже почти забыл ее лицо, лишь холодок кольца на пальце, это все, что он помнил. Молли все-таки стала писателем! Он всегда знал, что они с Кортесом, если захотят смогут найти дорогу в параллельные миры и уйдут туда.

Вернее, он не знал, а был абсолютно в этом уверен. А вместо этого его школьная подруга решила не мелочиться и создала парочку своих миров. Вот и правильно. Кому нужны чужие миры, когда можно придумать свои? В ее рассказах оживали шкафы, страхи, подкроватные монстры приходили попить чайку, тигрицы превращались в людей, и всегда и со всеми происходило что-то хорошее и даже тучи и плохое настроение в ее книгах были дружелюбными. А беды уходили прочь.

А герой Джонни с самого начала истории был призраком.

Еще раз посмотрев на обложку, Джонни откинулся в кресле и пошевелил пальцами правой руки. Они по-прежнему плохо гнулись.

Закрыв глаза, он улыбнулся. Молли придумала ему отличную историю, правда, уколошила в начале истории, но не зря же говорят, что если ходят слухи, что ты умер, значит, на самом деле будешь долго жить.

Джонни дочитал книжку, в ту же ночь. Ему было тепло и уютно, в этой истории, и все же он еще никак не мог до конца поверить. Разве Молли могла его настолько запомнить и полюбить, что сделала такой вот подарок – убедила себя и всех остальных, что он, достоин своей истории, и места в книге, которую купили в магазине, и читают разные люди?

2. «Каждый имеет право быть единственным и неповторимым»

Единственный способ проверить правильно ли ему показалось – дать почитать эту историю друзьям. Друзья у Джонни были такими же, как и он сам. Традиционными жителями Ужуписа. Теми, кто бежал, шел или уходил и наконец-то нашел свое убежище в этом странном районе одного из самых прекрасных городов мира.

Бирнс – бывший владелец Бара, который остался в баре вторым барменом. Сначала он просто хотел помочь Джонни и ввести его в курс дела, а потом Джонни уговорил его остаться, ему было как-то спокойнее под присмотром старшего друга.

Бирнс играл блюз, любил рок, но говорил всем, что слишком стар для этой музыки, всегда говорил, что не помнит свое имя и, учитывая его богатую биографию, вполне возможно, что так оно и было. Но, наверное, если задаться целью, описать человека одним словом, то у Бирнса в паспорте значилось бы «Доброта», потому что не смотря на свой слегка потасканный вид то ли парижского клошара, который разжился бутылкой вина и теперь радостно распивает ее под мостом, то ли старого рокера, который отправился путешествовать по миру и застрял где-то проиграв мотоцикл в карты, Бирнс был невероятно добрым. Он мог ничего не говорить, протирать стойку, участвуя в разговоре скупыми жестами и кивками, но всегда Бары знали абсолютно точно, что случись беда, Бирнс поможет еще до того, как его попросить об этом.

Марчин, по прежнему любящий физику, но вот уже несколько лет увлеченно занимается часами и всеми другими механизмами, которые нужно настроить, починить или заново собрать. Кажется, что к душам окружающих людей Марчин подходил точно так же и у него это отлично получилось. Иногда создавалось впечатление, что в Вильнюсе нет никого, с кем бы он не был бы знаком. Марчин успел побыть то ли бандитом, то ли наоборот, детективом, а может быть даже шпионом, слухи о нем ходили выдающиеся, но и связи он до сих пор имел такие же – выдающиеся и всегда приходил на помощь друзьям. Во время. Делая вид, что он практически не интересуется окружающей жизнью, каким-то образом Марчин умудрялся принимать участие практически во всех значимых событиях, и виртуозно манипулируя окружающей действительностью, словно тонким часовым механизмом Он идеально настраивал свою жизнь и жизни друзей, подкручивая завод, меняя шестеренки и выставляя стрелки часов всех жизней. Действуя порознь, они с Джонни вместе изменили свои жизни до неузнаваемости. И мало кто узнал бы в высоком, немного нескладном мужчине с прозрачно серыми глазами, того самого, моржа увлеченного физикой, над которым было так весело подтрунивать в школе.

Аманда и Мануил, муж и жена. Мэнни и Мэнди. Оба психологи, оба знают друг друга со школы и уже настолько прочно выросли в эту любовь, что уже не возможно было понять, где кончаются мысли Мэнни и начинаются мысли и слова Мэнди.

Уже давно окружающие привыкли воспринимать их как одно целое и даже временами путали. При этом сами «М&М» с совершенно неподобающей лекарям человеческих душ горячностью могли до последнего спорить, доказывая, что они совершенно не похожи. Им, наверное, все же было виднее.

В доме, где был бар Джонни было всего три подъезда – в первом его бар. Во втором – практика Мэнни и Мэнди, а в третьем – мастерская Марчина. И жили все на одной лестничной площадке.

И со временем Джонни уже и не понимал, как бы он жил без этой компании.

Еще один редкий, но от этого не менее любимый гость Бара – Горка: ловелас, бродяга и мотогощик, обладатель больших кулаков и огромного сердца и бездонного кошелька. Друзья знали, что дело там было в большом наследстве, но никогда не спрашивали, потому что сам Горка, почему-то отчаянно стеснялся своего богатства и того, что в отличие от всех присутствующих в Баре, он получил настолько классическое образование, что теперь предпо-

читал всю еду есть одной вилкой и одной ложкой, а когда при нем кто-то начинал разговор про бальные танцы, Горка бледнел и бормотал себе под нос что-то вроде «никогда больше... помню я эту мадам де Люс».

– Я что тут самый отсталый? – Возмутился Джонни, когда узнал, что все его друзья уже читали эту историю. И вовсе не потому что писательница была очень популярна, а просто Марчин, давно еще нашел ее сказки в интернете, а еще раньше – они вышли в нескольких номерах журнала, который он покупал.

Оказывается, что Марчин никогда не терял из виду Молли и Кортеса, а как только она вышла на просторы сети со своими историями, он с удовольствием поддерживал с ней связь. И часто с удовольствием зачитывал друзьям ее короткие, меткие зарисовки про ее работу, жизнь и все остальное. И все они, оказывается знали, что герой по имени Бендер под чистую списан с Джонни.

И это было настолько удивительно, что Джонни почувствовал, что сначала его обдали кипятком, потом холодом, а потом, вдруг наступило счастье. Просто так и само собой.

Джонни медленно осознал, что теперь он не просто Георгий сменивший свое имя на Джонни и открывший бар в Ужуписе. Он Джонни, у которого есть своя книга.

И еще несколько историй, которые в нее не вошли, как сказал Марчин. Оказывается Молли, написала уже несколько книг и какое-то невероятное количество рассказов.

И Марчину больше нравилась совсем другая история, где, правда, тоже присутствовал герой подозрительно похожий на Джонни, только там он был, кажется кем-то вроде злого волшебника.

Голос отца что-то приглушенно говорил, внутри Джонни, но звучал уже очень тихо. Тут нужно сделать небольшое отступление. Люди прошедшие длинную дорогу и пережившие столько, сколько пережил он, казалось бы, не имеют права на комплекс неполноценности. Это удел совсем других людей. Но голоса родителей, особенно вколоченные так, как это вколотили в Джонни, притом в прямом смысле этого слова, обычно звучат громче всего и дольше всего. И как бы он не спорил сам с собой и чтобы не сделал, всегда, первой фразой в любом начале любого дела звучало «ты не достоин», а дальше более емкое «недоносок», любимое словечко отца. И тут как бы ты не кусал губа, и не сжимал кулаки, вытеснить это из мозга очень сложно. Джонни привык просто не обращать внимания. Как на ремонт за стеной. Если привыкнуть и вписать все эти звуки в свою вселенную, они почти не будут раздражать.

Тем более, что Ужуписе, месте, где всегда звучали странные голоса и только людские, Джонни чувствовал себя как дома. Это был очень правильный дом. Глашатаи свободы и искусства стекались сюда со всего мира в надежде обрести то, чего им не хватало в их прошлых жизнях. Всех притягивала собственная конституция графства художников и музыкантов, где одна из строк гласила «Каждый человек имеет право на смерть, но вовсе не обязан это делать». Районная мэрия заседала в соседнем с ресторане, где в центре зала стоял огромный гвоздь, и каждого, кто вдруг после работы забыл снять галстук, вели за этот галстук к гвоздю и торжественно сняв с бедняги галстук, вешали его, галстук, а не беднягу, на гвоздь. Чаще всего после подобных заседаний, галстуки так и оставались висеть на гвозде и иногда можно было прийти и выбрать аксессуар себе по вкусу, если, например, тебе требовалось поучаствовать в каком-нибудь официальном мероприятии.

С одной стороны любимый район Джонни охраняла настоящая русалка, которая сидела под мостом, а с другой стороны – стоящий на постаменте Ангел с трубой.

Вильнюс нравился Джонни еще и тем, что здесь ты никогда не был один. Создавалось впечатление, что сам город, небольшой, по сравнению с Москвой, приглядывает за тобой.

И может быть, даже заботится. Да и к тому же он не был и Европой, странный город, он взял от всех стран понемногу, перемешал в себе и на свет появилось уникальное фантастическое место. Временами, Джонни был совершенно счастлив, а временами сталкиваясь с чем-то совершенно ему непонятным, как, например, меняющиеся каждый год правила написания названий в Литовском языке (это, конечно, не сильно касалось Джонни, но сильно касалось девушки, с которой он некоторое время встречался, она писала диссертацию и постоянно жаловалась Джонни, что ей приходится то менять названия на латиницу, то на кириллицу, то имена и названия стран и улиц нужно писать по-литовски, то в транскрипции, а то так как они есть в Европе) или что-то другое, Джонни хотелось поднять голову к небу и спросить у Вильнюса – «Ты издеваешься?».

Но на самом деле не издевался, конечно. Просто быть до конца идеальным городом, пусть даже для небольшой группы людей или для одного Джонни, городу было совсем не интересно.

– Ну почему сразу «отсталый»? Просто все мы любим хорошие сказки, твоя писательница, кстати, пару дней назад была в Праге, и Марчин даже показывал ей город, – сдала друга с потрохами Мэнди, сам Часовщик медленно покраснел, чтобы было видно даже в полумраке бара.

– Марчин, – приподнял брови Джонни.

– А что? Последнее время я частый гость на ее сайте, а еще Молли ведет несколько рубрик, в разных журналах, и я же действительно был в Праге, – Марчин сделал вид, что оправдывается, но было слишком хорошо заметно, что на самом деле он рад, тому, что они затронули эту тему.

– Это ты уже говорил.

– Мы связались, и я предложил показать ей город, – улыбнулся Марчин.

– И?

– Что и? Она выросла очень крутой теткой, в смысле удивительной девушкой, я хотел сказать. Очень милая, смешливая, слегка уставшая, но в тоже время очень красивая, чувственной, теплой красотой. Она немного стеснялась в начале, но к вечеру уже так забавно тараторила и все расспрашивала и сама рассказывала и даже что-то записывала и зарисовывала. А потом еще твердо решила пройти по казино Праги и даже потеряла где-то там свое кольцо.

– В Казино потеряла? – Глупо переспросил Джонни чувствуя, что у него начала немного кружиться голова.

– В городе, балда. После Москвы и Санкт-Петербурга, откуда она сразу прилетела в Прагу, потерять что-то на улицах города в самом деле звучит, как «потерять где-то тут». Кстати, после этого Молли написала сказку про потерянные ключи и нашего Браннера, помните, года два назад он держал ресторан на соседней улице, мы еще в шутку звали его «под пьянчугой»² Мы как раз в это время у него ужинали. Кстати, он там отлично устроился.

² По аналогии со знаменитым кафе Ужуписа «под Ангелом», кафе находится на площади Ужуписа рядом с памятником ангелу с трубой. Если, придя на площадь, посмотреть в ту сторону, куда указывает труба ангела можно увидеть стену дома с барельефом «традиционному жителю Ужуписа» – памятнику художнику спаивающему кота и канарейку. Это есть тот самый «Пьянчуга» рядом с которым был ресторан Браннера.

И я очень горжусь, – Закончил свою речь Марчин, жестом попросив Бирнса повторить еще пиво.

– Написала за ужином? – Мэнни и Мэнди сказали эту фразу хором, как обычно, когда мысль возникала, то ли у них в головах одновременно, то ли просто в их «общей» голове.

– Да! – Марчин улыбнулся смущенной и восхищенной улыбкой одновременно. И видя его глаза, блеск и какую-то теплую радость, когда он рассказывал о Молли, Джонни почему-то почувствовал странный укол ревности.

– Она сидела за столиком и пока мы ждали заказ, долго извиняясь, записывала основную идею рассказа. Она так интересно пишет. Развернув блокнот и...

– Сверху вниз, – вспомнив, сказал Джонни. Очень ясно у него в голове вспыхнуло воспоминание, как Кортес постоянно подтрунивала над Молл, говоря, что она пишет как китаец, сверху вниз.

– Как в школе, – улыбнулся Марчин, – Она вывесила постскрипtum к своей книге у себя на сайте. Ну и язва же ты, приятель!

– А я то-тут причем? – Удивился Джонни.

– Да ладно тебе, Книжку Молли мы все читали. Невозможно написать такое и не быть влюбленной. И кстати, почему ты раньше нам про нее не рассказывал? – Перевел разговор Мэнни, правильно поняв, что теперь Марчину уже не хотелось, чтобы его дальше расспрашивали про девушку их свидание в Праге и про все остальное. Молли, как Джонни тоже имела свою историю в прошлом. Или даже несколько.

– Прошло пятнадцать лет. И кстати, насколько я помню, эта девушка постоянно в кого-то влюблялась, притом делала со всей пылкостью и страстью, на которую была способна. И как по расписанию. Примерно каждые две недели – новая любовь. Или пока не кончится очередной сезон очередного сериала. Я тогда телевизор особо не смотрел – у нас его не было, зато Молли и Кортес вовсю погрузились в пучину мистической сериаломании. У нас в России как раз в то время только начали появляться различные фантастические сериалы и поверьте мне, как человеку, который сидел, а точнее спал в постоянной близости рядом с этими девушками, которые каждую свободную минуту обсуждали «пси факторы», «секретные материалы» и «параллельные миры» – это ужасно. Их шепот вкрадывался мне в головы и снились такие сны, что несколько раз я просыпался с жуткими воплями прямо во время урока!

Адам и Мэнди согласно закивали, так словно они каждый день имели дело с жертвами сериаломании, что вполне могло быть правдой, но об этом лучше не задумываться.

– Увлечение мистикой явно никуда не делось, а вот таланту стало больше, теперь она еще и придумывает ее.

– Может просто вокруг Молли в какой-то момент просто закончилось все мистическое и она начала его сама придумывать, – фыркнул Джонни. Марчин согласно кивнул.

Марчин всегда был на стороне Джонни и очень хорошо его понимал. Часовщик разбирался в людях, даже может быть немного лучше Мэнни и Мэнди, они даже время от времени сами спрашивали у него совета, в каких-то особенно трудных случаях.

Часто лишь только правильным взглядом или парой-тройкой во время сказанных слов, Марчин умудрялся помочь Джонни разобраться со всеми его многочисленными внутрен-

ними многочисленными шестеренками. В принципе, у всей компании, которая собиралась в баре у Джонни, у которого к тому же не было названия, все посетители просто называли это место «Бар», и иногда добавляли, если собеседник не понимал о чем «У Джонни. В Ужуписе», хватало своих внутренних тараканов и согласно какой-то негласной, внутренней договоренности технический осмотр тонких механизмов своих душ и разумов они доверяли только Марчину, даже не смотря на то, что у них были свой собственный Ужуписский набор психотерапевтов.

И глядя на друга, с каким-то странным внутренним «скрипом» иначе это чувство не назовешь, Джонни подумал, что Молли, его друг, наверное, очень нравится. Он был как раз в ее вкусе. Пусть даже во вкусе школьной Молли, а не сегодняшней, но все ж именно так и было. И вообще это было интересно. Как ощущал себя Марчин, когда встретил Молли? Не почувствовал, что возвращается к тому, застенчивому преподавателю физики в одной из школ России.

– Наверное, я бы хотел ее увидеть. Но только без школьных воспоминаний, – Осторожно сказал Джонни.

– Это логично. Она сейчас совсем другой человек. Даже внешне. Кстати, она меня не узнала, – как всегда понял все правильно Марчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.